

Татьяна Доронина и Олег Табаков. В центре внимания — подарок.
Фото Геннадия Несмачного («Интер Глобал фото»)

критик Вера Максимова обращал внимание на потрясающую простоту игры, лишенную экзальтации, и сложность игры, которую культивирует Товстоногов, сколько нюансов и деталей «проскальзывало за одну минуту сценического времени. Как умела и любила шалить она на сцене. Такою, кажется, Доронину в Москве уже и не видели.

В Доме актера Доронина позволила себе и озорство и даже немножко похулиганила. Из Есенина и Цветаевой выбрала те стихи, которые «ложились на ее судьбу» («Мне нравится, когда камень брани летит в меня...»), а из раннего Евтушенко («он тогда еще писал стихи», между прочим, откомментировала Доронина) выбрала стихотворение «Сосулька»: «Каждый будет думать о ком-то своем, а я знаю, о ком я буду читать эти стихи». У Евтушенко они заканчиваются просьбой к сосульке: «И упади на голову плохому человеку». Зная мемуары Дорониной, зная саму Доронину, кажется, не составляет труда догадаться, кому именно она посвятила это чтение.

Виктор Розов назвал Доронину роскошной актрисой, каких «у нас чего-то не хватает», и поблагодарил за то, что «воскресила из мертвых древние мои пьесы». Среди нескольких выступлений наибольшую радость вызвал выход Табакова, кото-

ТРИУМФ ТАТЬЯНЫ ДОРОНИНОЙ

В Доме актера прошел вечер народной артистки СССР, художественного руководителя МХАТа имени Максима Горького

Независимая газета — 2000
— 15 дек. — с. 7

Григорий Заславский

«В ПЕРВЫЕ на сцене Дома актера — Татьяна Доронина», — произносятся эти слова, директор Дома Маргарита Эскина была счастлива. И было чему радоваться: столько сил положили на то, чтобы уговорить Доронину провести этот вечер, выйти на сцену Дома актера и наконец вырваться из того уединения, в котором держится она последние годы. Точно в обороне, хотя временами это сравнение теряло «художественность»: ей действительно приходилось обороняться от разных обвинений, среди которых наиболее невинными были упреки в художественном консерватизме. Столько сил приложила Людмила Чернавская, чтобы свести снова вместе Доронину и Романа Виктюка, чтобы среди гостей, помимо московских знаменитостей, оказались Кирилл Лавров, вдова Товстоногова и сестра Стрельчикова, которые приехали специально — поприветствовать и поддержать...

Большой зал (хотя первоначально вроде бы предполагалось более камерное мероприятие) был переполнен, публика стояла в проходах и «спирала стены», еще до начала преисполненная ощущением значительности события. Вечер Дорониной — событие, причем не только театральное; вдруг — то словом, то вскользь оброненной улыбкой — рушились годами «возводившиеся» стереотипы и легенды. Маргарита Эскина не раз говорила, как ей хочется, чтобы Дом актера сдружился, а не ссорился людей, и доронинский вечер — лишнее тому подтверждение.

Специально для вечера в Доме актера и специально для Татьяны Дорониной Роман Виктюк срепетировал довольно длинную сцену из «Сладкоголосой птицы юности» Теннесси Уильямса. И эта деталь также выводила этот вечер из общего ряда.

Предваряя Уильямса, режиссер (в

свойственной ему витиеватой и метафорической манере) успел сказать про «беззащитный романтизм» драматурга, про его же, Уильямса, «серьезный театр... Романтизм (как раз такой, о котором говорил Виктюк) и серьезность как театральные, художественные (и жизненные, кажется, тоже) идеи — все, что близко и самой Дорониной. Сюжет «Сладкоголосой птицы юности», и даже сюжет, если можно так выразиться, отдельных ее реплик замечательно (местами — слишком публицистично) ложился на судьбу актрисы, обнаруживая переклички. «Я не всегда была таким чудовищем!» — говорит у Уильямса Александра. Доронина никогда не была чудовищем, но чудовищем ее не раз пытались представить «посторонние театру люди» (по слову выступавшего на вечере критика). Зрителям до этого дела не было, но в так называемой театральной среде демонический образ как-то прижился. И многим стал удобен.

Старейшая актриса Театра Революции, ныне — имени Маяковского, Татьяна Карпова, сама окруженная легендами, свидетельствующими по крайней мере о сложности судьбы, говорила как раз о доброту Дорониной. Она рассказала замечательную историю, как когда-то на гастролях в Олесе после спектакля Доронина встретила ее и пригласила к себе. В ее комнате был накрыт стол, и с 11 вечера до 11 утра они говорили и говорили, и Доронина читала ей стихи. Перед этим вечером, тут же добавила Доронина, Карпова вводила ее в свой спектакль, на свою роль.

Вечер в Доме актера располагал к размышлениям на животрепещущие для театральной среды темы. Например, как случилось, что «посторонние театру люди» получили такую власть над умами, что такое террор среды, и как далеко распространяется его власть, если до сих пор из тех или других «демократических уст» можно услышать совет сторониться МХАТа на Тверском... Во все годы столичного «профессионального неприятия», попытки

забвения Доронину продолжали по-прежнему любить в родном ей Ленинграде и в родном БДТ, встречали, как свою (так же, как и Сергея Юрского, который для ленинградской публики — неизменный любимец). То ли не хотели вмешиваться в чужую им московскую жизнь, то ли действительно издали лучше видели и не считали ее виноватой ни в разделе МХАТа, ни в иных политических или художественных «грехах». Теперь наконец выдалась счастливая возможность высказать ей «московскую» любовь «в лицо».

И другие, уже чисто театральные мысли и темы. Что бывает, когда Виктюк берется за хорошую литературу. Ведь о любви взрослых женщин и молодых людей, начинающих карьеру, Виктюк поставил уже немало спектаклей (только об этом, кажется, и ставит, если иметь в виду его внимательное отношение к актрисам-звездам). Но вот Уильямса среди них, к сожалению, не было. Что бывает, когда Виктюк работает с великой актрисой. И что может быть, если Доронина снова начнет работать с хорошим режиссером. Для нее, для ее театра было бы счастье, если бы стало возможным довести работу до конца, то есть выпустить полноценный спектакль.

В связи с отрывком, который она сыграла с Валентином Клементьевым, можно говорить о бесстрашии Дорониной, решившей сыграть такую длинную сцену на нетеатральных подмостках. Хотя бесстрашной (то есть без красотостей и в этом смысле без оглядки на чьи-то, возможно, пострадавшие представления о приличиях) можно назвать и ее игру, какой почти не встретишь в ее родном театре, куда большая режиссура почти не заглядывает.

Пока актриса коротко отдыхала, на экране, один за другим, шли как будто чудом сохранившиеся фрагменты из спектаклей и репетиций «Варваров», «Идиота», «104 страниц о любви» Элварда Радзинского (который тоже сидел в зале). Комментируя старые черно-белые пленки,

рый ради такого случая сорвался с больничной койки. Олег Павлович начал с похвалы Дорониной, что та «читает стихи гораздо короче, чем Козаков. Он обычно кончает в начале первого». Потом, перемежая слова объятиями и поцелуями (чему одинаково были рады и на сцене, и в зале), Табаков вспоминал былые дни, когда, выходя на сцену, Доронина заставляла актеров вспоминать, что они не в последнюю очередь мужчины.

Не пропустив болезненной истории раздела, Табаков, тогда стоявший по другую сторону баррикад, назвал поступок Дорониной мужским, поскольку она заступилась за тех, кто вдруг оказался не востребован. Татьяна Васильевна тут же «зацепилась»: «Ты же сказал — женщины, это был женский поступок!» («О разделе напишут образованные женщины», — ретировался) Табаков и подарил совершенно обалдевшей от этого Дорониной что-то, как всегда, дорогое — «от Сваровского».)

На сцене царил атмосфера вольного актерского братства и актерского же перешучивания друг друга. На знакомые мелодии Доронина пропела куплеты Эскиной, Виктюку, Юрию Яковлеву, Лаврову, Вячеславу Зайцеву... Зачитали несколько поэтических и прозаических посланий от Александра Лазарева и Светланы Немоложайевой, у которых в этот вечер был спектакль, от Валентина Распутина. Геннадий Хазанов пришел с корзиной цветов, которую вынес на сцену Виктюк, и величаво заявил, что рядом с Дорониной «попал, как глупы все споры о символике России». Андрис Лиета начал с того, что хотел быть оригинальным и подарить три тополя, но не нашел сажениев: «Буду банальным, как все балетные», — и преподнес букет роз и танцевальное «подношение» — из пока не написанного никем балета «Вишневого сада».

Вечер закончился традиционным «групповым снимком», запечатлешившим героиню в кругу старых и, может быть, новых друзей.

15 дек. 2000 г.
Доронина Татьяна